

Ты помнишь? Вы были всего лишь парочкой студентов-любви-ков. Она спала на твоём плече, дыша тебе в шею, и ты чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Шторы в складках. Солнечный свет Вероны проникал сквозь них, заливая комнату мягким светом, и ты почти тонул в этой неге сладострастия. Квартира на улице Амфитеатра была тихой, погруженной в тот ореол вселенского покоя, который время от времени, как по волшебству, наступает после полудня.

С улицы доносились приглушенные голоса, создавая мягкий фон, похожий на журчание ручейка. Поддавшись переполнявшей тебя нежности, ты с удовольствием гладил волосы твоей любимой. Во сне она была еще желаннее. А в остальное время превращалась в восемнадцатилетнюю избалованную упряmicу.

Деспотичная — да, но все же она, а не другая, завладела твоим сердцем.

Уже много недель, ты же знаешь, продолжалась ваша порочная и невозможная связь. Иногда тебе случалось отвлечься от нее, взглянуть со стороны и содрогнуться, понимая, до какой степени в чужих глазах ваша любовь должна была показаться ужасающей. Слово, которое приходило тебе на ум, — «отталкива-

ющая». Но достаточно было махнуть на все рукой, как сразу же жизнь возвращалась на круги своя, подвластная таинственной судьбе.

На самом деле это она делала все, чтобы ваша история продолжалась, может быть, с чрезмерной изобретательностью и вызывающим эгоизмом. Даже если та, которую ты любил, прикрывалась агрессивностью, как щитом, ты верил своим чувствам, и ничего больше. Ты привык любоваться ее обманчивой внешней хрупкостью, так бросавшейся в глаза... стройным телом, будто изваянным на занятиях ритмикой. Казалось, оно вот-вот надломится, когда твои руки, поддавшись страсти, привлекали его к себе. Потом ты понял, что она была сильна телом и гораздо менее — духом.

Даже твое имя — Джованни — для тебя ничего не значило теперь, без ее имени рядом — имени, от которого сердце твое переполнялось радостью: Сельваджа. До ее появления ты был никто, обычный мальчишка, на которого не обращали внимания, один из многоликой толпы.

Любой из твоих знакомых сказал бы, что ты умный, воспитанный, немного апатичный, но в целом нормальный малый. Свой парень. Субботними вечерами ты встречался с друзьями, чтобы пропустить стаканчик, серьезно занимался плаванием и мечтал когда-нибудь принять участие в чемпионате страны. Ничего более. Но после нее, по воле какой-то непобедимой метаморфозы, Джованни стал Джонни, а Джонни был таким же, как Джованни, только с неудержимой жадой жизни. Ты казался человеком, который наконец обрел свой путь. Ты стал чем-то вроде избранного, перед которым чудесным образом раскрылась жизнь, полная опасностей, но в то же время предназначенная для высшего счастья.

Сельваджа была всем для тебя в те сто дней, когда вы любили друг друга.

Она была смыслом твоей жизни. Ради нее ты дышал. Она была причиной твоих трудных решений, причиной страданий и радости, которых ты никогда не испытывал ранее. С самой первой встречи вы почувствовали, что все это переполняет вас, что только страсть поддерживает ваше существование в этой жизни, что единственная цель, ради которой вы появились на свет, — любить друг друга.

И наверное, не было бы ничего странного в вашей отчаянной любви, если бы девушка, которая спала, прислонив голову к твоей груди, которая заставляла тебя умирать всякий раз, когда ты целовал ее в губы, не была твоей сестрой.

Ты помнишь? Каникулы только начались. Впереди последний, пятый, выпускной класс. И до этого момента ты никогда не встречался с Сельваджей. Ваши родители развелись, когда вам было около года, и ты никогда толком не знал своей матери. Конечно, ты встречался с ней — два раза в год, на большее ее, строившую карьеру в полиции, не хватало.

Ты не мог ненавидеть ее за то, что она была так далеко. Просто ты не разделял ее образа жизни — менять любовников всякий раз, когда ей того хотелось, и сообщать об этом твоему отцу, Даниэле Мантенья — сорокапятилетнему нотариусу, который посвятил себя работе и тому, что оставалось от семьи, — чтобы он даже после стольких лет снова и снова впадал в такую всепоглощающую ревность, что это уже походило на безумие.

Но может быть, мать каким-то неизвестным тебе образом испытывала удовольствие от этой жестокой игры или просто развлекалась, прекрасно зная, как сильно он все еще любит ее.

Так что последние восемнадцать лет ты провел с отцом в Вероне, а твоя мать и сестра — в параллельной полутаинственной жизни в Генуе.

И теперь ты никак не мог поверить, что они обе свалятся тебе на голову. Ты был в замешательстве некоторое время, не зная, как на это реагировать. Ты и подумать не мог, что однажды в вашем жилище появится женская компания. Твой отец всегда был более чем сдержанным в своих скоротечных романах.

Словом, понятно, почему ты растерялся, когда в самый обычный день за обедом, на фоне теленовостей, рассказывающих о бедствиях в мире, твой отец сообщил невозмутимым тоном:

— Антонелла и Сельваджа возвращаются в Верону.

Похоже, он не ждал от тебя ответа. Это было понятно по тому нарочито холодному, равнодушному виду, который он принимал всякий раз, когда не собирался выслушивать твое мнение, если оно не совпадало с его собственным.

— Ну и что? — было твоей первой реакцией, вялой и небрежной. Тебе действительно было все равно. Ты так редко виделся с матерью, что уже свыкся с ощущением, будто у тебя ее никогда и не было. Что касается сестры, то дорогая одно- или двуййцевая двойняшка — по правде, ты даже не помнил какая — была знакома тебе только по фотографиям. А последние из них, которые ты рассматривал только для того, чтобы сделать приятное отцу, были как минимум двухлетней давности. Нет, на самом деле *четырёхлетней*. Ты почти никогда не разговаривал с ней, вы не играли вместе, а если даже играли, то твоих скудных воспоминаний об этом все равно не хватало, чтобы получить мало-мальское представление о ней.

— Ничего, — ответил твой отец. — Просто ставлю перед фактом. Твоя мать получила назначение в Верону, знаешь ведь, как принято в полиции? Скоро они будут здесь. И прости, что я говорю тебе об этом только сейчас. Мама уже купила квартиру здесь и продала ту, другую, в Генуе. Они с Сельваджей приводят ее в порядок.

Ты даже ему не ответил, помнишь? Просто ограничился тем, что принял к сведению. В конце концов у тебя не вызывала никаких эмоций перспектива обнять их обеих.